

Профессиональные обзоры

VR Предлагается еще один страновой материал, переведенный из Европейского Ньюслеттера «Экономическая социология». В нем рассматриваются пять работ, представляющих основные направления испанских исследований. Еще одно белое пятно для большинства из нас.

ЛУЧШЕ МЕНЬШЕ ДА ЛУЧШЕ? ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ИСПАНИИ¹

А. Хавьер Искеердо

Национальный университет дистанционного образования, Мадрид

Email: jizquier@poli.uned.es

Перевод М.С.Добряковой

Научное редактирование – В.В.Радаев

Введение

В испанском социологическом сообществе по-прежнему доминирует старомодная «защитная» исследовательская политика, нацеленная на то, чтобы ограничить экономические вопросы, рассматриваемые социологами, сугубо нерыночными явлениями (такими, как заключение коллективных договоров или система социальных пособий). Действительно, почти вся экономическая социология в Испании существует в рамках других академических разделов, где по одну сторону исследовательского спектра находятся индустриальные отношения и социология труда², по другую – новая политическая экономия³.

¹ Перевод статьи: Izquierdo, Javier A. “Less is More”? Economic Sociology in Spain // *Economic Sociology: European Electronic Newsletter*. Vol. 2, No. 3 (June 2001). P. 13-20 / www.siswo.uva.nl/ES.

² Вероятно, по данному направлению в международном сообществе наиболее известны работы Хуана-Хосе Кастильо о разделении труда между фирмами [Castillo 1990], о новых тенденциях в социологии труда [Castillo 1999], а также публикации Карлоса Прието о стратегиях контроля рабочей силы и политике занятости [Prieto 1993, 2000; Prieto y Homs 1995]. Исследования бизнес-организаций лучше всего представлены в работе Х.А.Гармендия, посвященной сравнительному изучению «культур фирм» [firm cultures] [Garmendia 1998].

³ Наиболее представительным примером этого направления является выполненное Карлосом Бойксом сравнительное исследование влияния различных политико-идеологических переменных на построение макроэкономической политики в Великобритании и Испании в 1980-е гг. [Voix 1997]. Социологическому сообществу, интересующемуся работой коллег в других странах, хорошо известны также исследования Виктора Перес-Диаса и Хосе Маравалля о переходных периодах и экономическом развитии в странах демократии [Perez-Diaz 1993; Maravall 1995]. Известны также работы Альваро Эспина о политике в области конкуренции и реформе закона о банкротстве [Espina 1998, 1999]. К данному направлению можно отнести и новаторское исследование профессии экономиста в Испании, выполненное Мауро Гийеном [Guillén].

Не так давно появилась работа, отчасти являющаяся исключением из общей тенденции: учебник Мариано Фернандеса-Ангито, в котором дается критический анализ корпуса материалов, опубликованных за последние двадцать лет на английском языке под рубрикой новой экономической социологии [Fernandez-Anguita 1998]. Если, следуя этим материалам (а также принципам, выдвинутым секцией по экономической социологии Американской социологической ассоциации), мы примем столь строгие критерии определения соответствия того или иного исследования духу новой экономической социологии, то таких работ остается очень немного. Я в данной работе поступил именно так. Чтобы представить содержательный обзор современной экономической социологии в Испании, я решил отказаться от сложившегося формата всеобъемлющего обзора. Вместо того, чтобы быстро пробежаться по всей огромной массе литературы (которая все равно не отсутствует), я более подробно представлю небольшую, стратегически составленную выборку из пяти работ по экономической социологии, являющихся (по крайней мере, для меня) ориентирами в этом поле. Эти работы были отобраны, поскольку в них сочетаются теоретические и эмпирические исследования по основным направлениям экономической социологии. По ходу описания я буду ссылаться и на другие значимые работы.

1. Католический дух современного испанского капитализма

В 1975 г., в тот самый год, когда диктатуре Франко пришел конец, вышла книга Карлоса Мойи «Экономическая власть в Испании (1939-1970)», ставшая канонической моделью для последующей работы в области экономической социологии⁴ [Moya 1975]. Этот амбициозный социологический проект, нацеленный на поиск источников традиционалистских и модернистских установок среди членов предпринимательской элиты эпохи Франко в национальном католицизме, вырос из исследовательской проблемы, на первый взгляд, не связанной с этим вопросом. Во введении к своей книге Мойя отмечает, что его первоначальная цель состояла в том, чтобы найти культурологическое объяснение любопытному замечанию, сделанному в одном интервью в 1969 г. будущим управляющим Банка Испании (на момент интервью – директором исследовательского отдела Банка) Л.Анхелем Рохо [L. Angel Rojo]. «Хотя многих это и раздражает, тем не менее остается фактом, что индустриализация в этой стране произошла в период с 1939 по 1959 гг. То, что обычно называют индустриальным взлетом, произошло в Испании после Гражданской войны и никак не раньше. Это развитие не было автономным, оно направлялось сверху» [цит. по: Moya 1975: 9].

В духе Макса Вебера Мойя разрабатывает идеальный тип национальной экономической элиты с тем, чтобы объяснить, как авторитарная политика привела к хозяйственной модернизации. Прежде всего, он указывает на традиционалистскую «финансовую аристократию». Из своей штаб-квартиры в здании Совета Банка Испании собственники этого старого (главным образом банковского) капитала помогали финансировать победы армии Франко. Позднее в роли реального стратега, стоявшего за

⁴ Вслед за новаторской работой К.Мойи появилось еще несколько теоретических и эмпирических работ. О предпринимательской культуре см. исследование М.Ромеро о бизнес-этике женщин в Испании [Romero 1990]. Гипотеза о религиозной основе идеологии капитализма развивается в работах А.Бильбао о классическом экономическом мышлении и христианском теологическом дискурсе [Bilbao 1997]. См. также специальный выпуск журнала «Политика и общество», посвященный вопросам социологии и экономики [Politica y Sociedad 1996].

индустриальным взлетом, о котором говорил Рохо, выступала финансовая аристократия из созданного в 1941 г. Национального института промышленности [Instituto Nacional de Industria].

Двигаясь дальше от этой исходной проблемы, Мойя переходит к описанию нового типа экономической элиты, вышедшей на авансцену во время второй половины периода авторитарного правления генерала Франко. Эта социальная группа «технополитиков» [technopols], современных бизнес-менеджеров теоретически определяется как идеальный тип рациональной бюрократии и эмпирически идентифицируется с создателями успешного Плана экономической стабилизации 1959 г. Расположившись в новом, созданном под французским влиянием Центральном бюро планирования [Secretaría General del Plan], эта новая административная «корпоративная католическая» элита государственных чиновников руководила второй волной экономического развития, закончившейся с нефтяным кризисом 1970-х гг.

В данной модели явственно различим отзвук теории Вебера, когда автор указывает на наличие особой национальной католической идеологии, из которой модернистски ориентированная часть экономической элиты и черпала символические инструменты, помогавшие ей на практическом уровне оправдывать проведение экономических реформ – которое в противном случае было бы авторитарным. «Для развития бюрократическо-предпринимательской этики католического испанского общества духовные истины «Пути» [Camino] – главной работы основателя движения «Opus Dei» [Промысел Божий]⁵, монсиньора Хосе Мариа Эскрива де Балагера – могли сыграть ту же конституирующую роль, которую, согласно идее Макса Вебера, сыграла кальвинистская этика для развития «духа капитализма» [там же: 176]. Этот новый, наполовину поэтический, наполовину научный «корпоративный католический» дискурс «Opus Dei», распространенный набиравшей силу экономической элитой, был представлен как «символический синтез, призванный примирить в теории и на практике традиционалистские ценности, принесшие победу в 1939 г., с требованиями неоконсервативной модернизации». Кроме того, «(католическая) ектесиастика вера движения «Opus Dei» и особенно «дезорганизованная организация» (как называл ее Эскрива де Балагер) актов сострадания и аскетизма его членов, давала этому нецерковному религиозному движению эффективное средство рационализации индивидуального поведения в соответствии с требованиями бюрократической корпорации... Таким образом, эта форма религиозности оказывала в высшей степени функциональное воздействие на «мотивационную структуру» нового корпоративного класса управленцев [executive class], помогая соотносить их профессиональные запросы с требованиями организации» [там же: 179-180].

2. Профессиональные ассоциации как агентства занятости

Анализ социальных сетей является центральным для нового социологического подхода к исследованию рыночной конкуренции, имеющей в своей основе статусные различия. И, говоря об испанской экономической социологии, нельзя не привести пример исследования, выполненного в традиции сетевого анализа. Вдохновленный вышедшей в 1974 г. и ставшей классической книгой Марка Грановеттера «В поисках работы», Феликс Рекуэна провел в г. Малаге выборочный опрос (609 респондентов), нацеленный на исследование личных контактов, процессов поиска и нахождения работы и, в

⁵ Религиозное движение, созданное в 1928 г.

результате, – описание особой социальной структуры локальных рынков труда [Requena 1991a, 1991b]⁶.

Вся масса данных об отношениях в этой сфере, полученных в результате опроса, практически целиком соответствует выдвинутым ранее Грановеттером гипотезам об основных структурных особенностях рынков труда. Прежде всего данные исследования в Малаге подтвердили такую известную особенность социальной структуры рабочих мест, как соотношение параметров плотности/эффективности в сетях личных контактов «своих» и «чужих» [insiders/outsiders]. Молодые новички в большинстве своем ссылались на «семейные контакты» как особый и почти единственный тип ресурса, используемого для вхождения на рынок. А о связях с «друзьями и коллегами», о более диверсифицированном и эффективном использовании социального капитала, который зависит от опыта работы на данном рынке, можно было говорить только в случае взрослых индивидов, вращавшихся на рынке уже достаточно долгое время. Кроме того, социальные сети мужчин оказывались более плотными, чем социальные сети женщин.

Второй структурной особенностью рынков труда, которая, как показали данные Рекуэны, оказалась верной и для Испании, является точная связь между сетью личных контактов и *типом* занятости. Исследование показало, что эффективность неформальных контактов при распределении рабочих мест [job allocation] уменьшается прямо пропорционально повышению уровня образования/квалификации, необходимого для занятия данной позиции. Неформальные каналы наиболее эффективны для поиска работы, не требующей высокого уровня образования/квалификации. И хотя институциональные каналы распределения рабочих мест (т.е. государственные агентства занятости) по-прежнему играют какую-то роль в случае наемного труда (30%), в сфере самозанятости работают преимущественно неформальные каналы (только 5,6% респондентов использовали информацию государственных агентств, когда начинали свой бизнес).

Среди значимых результатов исследования получена оценка среднего числа контактных «шагов», необходимых для того, чтобы связать одного человека с другим на локальном рынке труда. При поиске работы по неформальным каналам респонденты задействовали самое большее три личных контакта, причем в большинстве случаев (86,9%) для получения информации о работе [to access a job] было достаточно активизировать одну прямую личную связь (с родственником, другом или соседом). Опосредованная двушаговая процедура (приятель друга) потребовалась в 11% случаев. И только 2,2% респондентов указывали на необходимость трехступенчатых шагов (например, знакомый приятеля друга) и, следовательно, вмешательство относительно «удаленного» посредника.

Наиболее оригинальный результат исследования Малаги касается роли контекстуальных факторов (таких, как особенности пространственного расположения) для вплетения социальных отношений в процесс повышения цены своего труда на

⁶ В данном случае выбор работы был совсем не сложным – это по сути единственное в Испании эмпирическое исследование рыночной структуры, выполненное с позиций сетевого анализа! Среди других интересных работ в традиции сетевого анализа – структурная модель путей управления и коммуникации [command and communication lines] в рамках государственных административных иерархий Нарсисо Писаро [Pizarro 1990]; исследование коммуникативных сетей и развития организационной культуры Хосе Луиса Молина [Molina 1995]. В теоретической плоскости Писарро разработал оригинальную сетевую модель экономической эксплуатации [Pizarro 2000].

рынке. «Именно во время досуга складываются неформальные сети социальных контактов. Респонденты, отмечавшие, что они много времени проводят в барах, кафе и подобных заведениях, имели сети более плотные и широко распределенные по различным уровням отношений, чем сети тех, кто реже посещает подобные места» [Requena 1991a: 137]. Возможно, этот результат подтверждает существующее у нас на уровне здравого смысла представление о том, что сделки заключаются не на рынке или в кабинете, а в барах и ресторанах. Этот вывод не удивит никого, кто хотя бы раз прошелся по деловой части испанского города! В конце концов, как поется в последней песне популярного рок-певца Хоакина Сабина: «В одном только Антон Мартене [районе в центральной части Мадрида] больше баров, чем во всей Норвегии».

3. Добывающая промышленность и память: подход к региональной экономической политике как социальной системе

В последнее десятилетие для испанца, называющего себя экономсоциологом, стало привычной практикой проводить эмпирические исследования под прикрытием той или иной передовой «социальной теории» (будь то теория М.Фуко, П.Бурдьё, Н.Лумана и, позднее, Б.Латура)⁷. Среди наиболее выразительных работ в этом жанре – работа Хосе М. Гарсия-Бланко о внутренних стратегиях развития как диссипативных, самореферентных системных структурах⁸.

Основываясь на лумановской теории аутопойетических систем, автор разрабатывает понятие социальной памяти, смоделированное, согласно теории И.Пригожина⁹, как «диссипативная структура». Эта структура призвана по-новому, не в панглоссианском ключе объяснить, почему и «старомодные» кейнсианские стратегии по стимулированию спроса, и все множество «новомодных» теорий по стимулированию

⁷ Теория символического насилия Бурдьё использовалась Энрике Мартен-Криадо и Х.Искердо в исследовании политики человеческих ресурсов и стратегий управленческого контроля [Martin-Criado and Izquierdo 1993]. Тезис Фуко о передовом либеральном правлении [advanced-liberal governmentality] разрабатывался на примере политики «участия» в целях искоренения бедности в Мексике [Bascones 2000] и в программах развития интеллектуального капитала ОЭСР [Luque, в печати]. Пионерные работы Фабиана Муньеса о разнородной (компьютерной, экономической, правовой, политической) технологии работы биржевых автоматов навеяны парижской социологической авангардной теорией акторов и сетей, выдвинутой Б.Латуром и М.Каллоном [Muniesa 2000a, 2000b]. (См. также: <http://www.pagina-web.net/ssfa/parlonsfinance.htm>. Прим. перев.)

⁸ Придерживаясь основной модели самореферентных рыночных хозяйств Лумана и Беккера, Гарсия-Бланко [García-Blanco 1991] использует также и мотивы из «Общества риска» Ульриха Бека для объяснения возникающих на испанских рынках труда явлениях «гибксплуатации» – гибкой эксплуатации [flex-ploitation].

⁹ Пригожин (Prigogine) Илья Романович (род. 25 января 1917 г. в Москве) – бельгийский физик и физикохимик. Инициатор применения методов теории неравновесных процессов в биологии. В 1947 г. сформулировал одну из основных теорем теории неравновесных процессов, получившую название теоремы Пригожина: стационарному состоянию системы (в условиях, препятствующих достижению равновесного состояния) соответствует минимальное производство энтропий. Если таких препятствий нет, то производство энтропии достигает своего абсолютного минимума – нуля. // Большая советская энциклопедия. <http://encycl.yandex.ru/cgi-bin/art.pl?art=bse/00062/57500.htm&encpage=bse>
Прим. перев.

предложения потерпели неудачу при попытках усилить внутренние источники экономического развития регионов. «Хотя формирование и использование памяти и является потребностью любой самореферентной системы, это не особое ее умение, а всего лишь побочный продукт действия операций, воспроизводящих данную систему» [García-Blanco 1998: 103]. Если система смоделирована как организационно закрытое, самовоспроизводящееся устройство [machinery] для поглощения внешних колебаний в высшие уровни комплексности, первоочередной функцией памяти является не столько запоминание, сколько забывание, поскольку «только способность забывать не дает системе заблокировать саму себя в результате отслеживания всех событий собственной истории и позволяет ей сохранять достаточно сил для концентрации внимания и, в случае социальных систем, – для коммуникации» [там же: 103-104].

Объясняющая сила этой теоретической модели проверяется на прототипическом случае промышленного спада в провинции Астуриас на севере Испании. Современная хозяйственная структура и возможности этого региона, специализировавшегося в XIX в. на добывающей промышленности и черной металлургии, и поныне несет на себе отпечатки политики протекционизма и корпоративизма. Поддерживаемые узко специализированной, воинственно настроенной рабочей силой с четкой статусной идентичностью, сильные региональные профсоюзы по-прежнему пользуются влиянием в ходе переговоров и при реализации политических инициатив. Им удалось этого добиться при помощи последовательных программ реформ и ре-индустриализации. Если смотреть на проблему с исторической точки зрения, то автор считает «вполне понятным», что члены социальной формации, «традиционно решавшие экономические проблемы путем политической защиты», склонны полагать, что «поддержание их производственной деятельности и определенного уровня дохода» требует сохранения системы экономического протекционизма.

Осознав провал предшествовавших кейнсианских программ привлечения частного инвестиционного капитала при помощи налоговой и финансовой политики, национальное и региональное правительства разработали новые рецепты в области региональной экономической политики. В заключительной части своей работы Гарсия-Бланко, в рамках концепции, представляющей мировую рыночную экономику как социальную систему, рассматривает парадоксы этого нового режима экономической политики, сами принципы внутреннего развития, в равной степени поддерживаемые ортодоксальной макроэкономикой, ориентированной на предложение, и неортодоксальным мышлением в русле институционального эволюционизма. Если мы принимаем, что предшествующее теоретическое моделирование парадоксальных, диссипативных действий по поддержанию способности аутопойетической социальной системы иметь память – верно, то заявленная политическая цель построения самоподдерживающейся экономической деятельности в рамках региона достижима только в том случае, если искомая экономическая система «способна порождать диссипативные структуры». Если взять конкретный пример такой старой индустриальной области, как Астуриас, то это означает, что «традиционную стабильность ее узко специализированных экономических структур следует заменить способностью использовать широкий спектр внешних колебаний для производства функциональных устройств все возрастающей комплексности» [там же: 112].

Из этой системной интерпретации понятия эндогенного (внутреннего) развития региона вытекают некоторые в высшей степени сложные рекомендации для практического построения региональной политики. Гарсия-Бланко приходит к выводу, что это возможно только на уровне парадоксов: «для переживающего упадок индустриального региона, появившегося, набравшего силы и окрепшего под крылом

государственной инициативы и защиты, будущая политика внутреннего развития должна исходить из идеи о том, что *отсутствие* общего, до мелочей продуманного плана развития является залогом начала составления плана развития». В самом деле, эффективную стратегию экономического возрождения региона «следует направить в децентрализованное и самостоятельное русло» [там же: 114-115].

4. Гендерная экономическая социология рабочего времени

Чего отчаянно не хватает радикальным экономистам для проработки альтернативных вариантов экономической политики, так это данных – они недоступны традиционной прикладной макроэкономике и системе национальных счетов. Чтобы создать более совершенные инструменты для управления политикой спроса, нам нужны воспроизводимые данные о том, что происходит *вне* «хозяйства». Иными словами, нужна детальная информация о природе и контексте повседневной деятельности. Поскольку социальное исследование моделей «распределения времени» [time allocation] может дать нам ключ к пониманию истинной рыночной стоимости нерыночных видов деятельности, это чрезвычайно полезный инструмент для тех беспокойных прикладных экономистов, которые пытаются при расчете ВВП учитывать и стоимость неоплачиваемой производственной деятельности.

В 1991 г. в своей статье «Время и испанское хозяйство» Анхелес Дюран, используя оригинальные массивы данных, полученных в результате обследований бюджетов времени, выдвигает предложения по построению именно этого типа инструментов новой экономической политики¹⁰ [Durán 1991a]. В статье представлен широкий обзор и дается теоретическое обоснование новых исследовательских методов (таких, как социальные обследования бюджетов времени) для того, чтобы разработать надежную практическую процедуру расчета влияния различных «скрытых факторов производства» на валовой внутренний продукт. Наиболее важный из этих факторов – работа внутри домашнего хозяйства – по-прежнему остается в значительной степени (не)заметной, (не)производительной сферой ежедневной деятельности женщин – обособленной социально и недооцененной экономически.

Дюран иллюстрирует свою теоретико-методологическую картину несколькими яркими, хотя и предварительными, данными относительно размера неденежного сектора испанской национальной экономики, рассчитанными на основе имеющейся социальной статистики бюджетов времени. Согласно ее данным, в течение 1980-х гг. испанские потребители в рабочие дни тратили в среднем 0,63 часа в день на потребление рыночных товаров. Это вложение времени связано главным образом с покупкой еды и товаров повседневного пользования. При этом оно составляет 23,6% от общего времени труда, вложенного в *производство* тех самых потребляемых рыночных товаров. «Можно сказать, что все продукты национального производства продаются по цене, составляющей всего 76,4% от общей суммы производственных затрат, – оставшаяся часть реализуется вне денежного сектора [Durán 1991a: 36].

Наконец, в работе более пристально рассматривается один из секторов неформальной экономики – неоплачиваемая деятельность, поддерживающая скрытые издержки формального [institutional] сектора здравоохранения. Этот пример используется для

¹⁰ Новаторской была также работа Э.Санчис, в которой описывается особая социокультурная и экономическая структурная механика, определяющая циклическую динамику сокрытия реальной экономической транзакции от (фискальной) государственной бухгалтерии [Sanchis 1998].

проверки гипотезы о радикально гендерном и радикально несправедливом экономическом содержании неденежного производства [Durán 1991b]. Данные по системе здравоохранения показывают, что хотя институциональные виды деятельности и имеют место в производстве услуг в области здравоохранения, огромный спрос на трудовые ресурсы, порожденный численностью больных и нетрудоспособных [incapacity], удовлетворяется в значительной степени за пределами формальной системы здравоохранения – т.е. в сфере добровольной, неоплачиваемой работы. Отдельные данные по гендерному экономическому неравенству в этом случае еще более выразительны: в 72% случаев заболеваний и в 79% случаев нетрудоспособности [incapacity] домохозяйки вынуждены самостоятельно удовлетворять тот спрос, который не удовлетворяет формальный сектор [Durán 1991a: 44-45].

В рамках этого методологического направления была разработана одна из наиболее сильных исследовательских программ. В том числе на основе социологических моделей «неформальной экономики» Р.Пала, А.Баньяско и Дж.Гершуни, в последних эмпирических исследованиях реального вклада женщин в национальный доход были получены интересные экономические данные¹¹. Программа исследования моделей распределения времени и гендерного разделения труда в неденежном секторе испанской экономики увязывается с теоретическими наработками в области гендерных исследований. Недавно опубликованы основательные концептуальные наработки по анализу взаимодействия между экономической социологией и гендерными исследованиями [см., например García-Sainz 1998]. В их основу положены не-аристотелевские категории – такие, как концепция «труда» Х.Арендт, – призванные восполнить разрыв между экономической системой и хозяйственным жизненным миром.

5. Статистика численности населения и налоговая паранойя: объяснение стихийно случившегося политико-экономического «эксперимента нарушения»

В завершение я хочу привести пример важной исследовательской программы испанской экономической социологии в области качественного социологического исследования стилей жизни и практик потребления – как пример направления исследований, которое в 1960-70-е гг. развивалось главным образом за пределами академического сообщества. Наиболее выдающимся – хотя и не вполне прямым (но, с моей точки зрения, наиболее оригинальным в испанской экономической социологии последнего десятилетия) – вкладом в эту программу¹² является работа Анхеля де Лукаса, профессора социологии потребления в Университете Комплутенс Мадрида [Universidad Complutense de Madrid]. Эту работу, опубликованную в 1992 г. под длинным названием «Социальные установки и представления населения Автономного

¹¹ По оценкам Кристины Гарсиа-Сайнс и др., более 60% общей численности женского населения Автономного региона Мадрида заняты нерыночной хозяйственной деятельностью, основная составляющая которой – труд в домашнем хозяйстве – занимает примерно 41 час в неделю. Обзор наиболее важных теоретических и эмпирических результатов этой исследовательской программы см. во введении Анхелес Дюран к специальному выпуску журнала «Политика и общество», посвященного неденежной экономике [García-Sainz et al. 1995; Política y Sociedad 1997].

¹² См. [Alonso and Conde 1994], а также специальный выпуск «Политики и общества», посвященный социологии потребления [Política y Sociedad 1994].

региона Мадрида в отношении переписи населения 1991 г.», можно понимать как вариации на тему рассуждений о налоговом кризисе государства Джеймса О'Коннора¹³. Живые вариации на тему работы О'Коннора почти на пальцах представлены в эмпирическом исследовании этнометодологического «эксперимента нарушения» исходных принципов национальной системы статистической информации в экономике.

Если процедура выборов в США попала под пристальное внимание общественности в результате ужасающего дизайна избирательных бюллетеней во Флориде, то в Испании в 1991 г. такую роль сыграл новый дизайн стандартизованного вопросника для переписи населения – совершенно неожиданно он вынудил всю государственную машину тягаться с не менее мощным давлением общественности. Неожиданным было то, что значительное число респондентов отказались отвечать на вопросы анкеты. Де Лукас исследовал это явление, анализируя записи групповых бесед с обычными людьми. Всего было организовано семь встреч, в каждой принимали участие по восемь человек, и каждая группа представляла собой «структурную выборку» определенной социальной части испанского населения (работников физического труда, новых средних городских классов, мелкой сельской буржуазии и т.д.).

Социологический дискурсивный анализ Де Лукаса дал, казалось бы, тривиальное объяснение отказу отвечать на вопросы переписи: поскольку новый дизайн вопросника был настолько *очевидно ориентирован* на компьютерную обработку данных, его очень легко можно было встроить в уже существовавшую, но прежде никак себя не проявлявшую «параноидальную картину [испанского] государства» [De Lucas 1992: 116].

В ходе групповых дискуссий не объясненный ранее и не поддававшийся объяснению отказ отвечать на, как и прежде, невинные вопросы переписи был представлен как четко обоснованный (абстрактным) страхом того, что базой данных переписи воспользуется еще какой-нибудь государственный институт. В частности – Министерство финансов. Второй темой, всплывшей в ходе бесед, стали прямые жалобы на законность выполнения этой государственной функции Испанским национальным институтом статистики [Nacional de Estadística – INE]. Популярные ссылки на современные информационные технологии также усиливали страх перед государственной бюрократией, незримо присутствовавшей в этих групповых дискуссиях. Самое интересное, что индивиды (главным образом, специалисты-горожане и госслужащие среднего уровня), демонстрировавшие лучшее понимание и административных процедур государственной бюрократии, и технических возможностей новых информационных технологий, выражали наиболее сильное недоверие новому вопроснику переписи. Эти люди часто «высказывали убеждение, что информация переписи будет проанализирована *при помощи компьютера* и, в сочетании с другими официальными данными, станет использоваться для всевозможных административных проверок индивидов, особенно для контроля за уплатой налогов» [там же: 116]. Де Лукас называет такое состояние *паранойей* – взгляд, (не)верно воспринимающий разнообразные государственные агентства как единый организм «с Казначейством¹⁴ [Hacienda] во главе». Это политический монстр, использующий все имеющиеся данные, превращающий все виды информации о каждом отдельном налогоплательщике, собранной административными органами, в опасное «Дело №...», предназначенное для автоматического надзора.

¹³ O'Connor, James. *The Fiscal Crisis of the State*. N.Y.: St. Martin's Press, 1973. Прим. перев.

¹⁴ Распространенное название Национальной службы контроля доходов.

Библиография

- Alonso, L.E. and F. Conde (1994), *La historia del consumo en España*, Madrid: Debate.
- Bascones, L.M. (1998), *Solidaridad: las disciplinas de la participación*, unpublished working paper.
- Bilbao, A. (1997), Economic Rationality and Secularization, *Revista Española de Investigaciones Sociológicas (REIS)*, english edition, 225-243.
- Boix, C. (1997), *Partidos políticos, crecimiento e igualdad*, Madrid: Alianza.
- Castillo, J.J. (1990), Informatización, trabajo y empleo en las pequeñas empresas españolas, *Revista Española de Investigaciones Sociológicas*, Vol. 49. P. 161-189.
- (1999), Sociology of Work at the Crossroads, *Current Sociology*, Vol. 47, No. 2.
- De Lucas, A. (1992), *Actitudes y representaciones sociales de la población de la Comunidad de Madrid en relación con los Censos de Población y Vivienda de 1991*, Madrid: Consejería de Economía CAM.
- Durán, Mª A. (1991a), El tiempo y la economía española, *Información Comercial Española*, Vol. 695. P. 9- 47.
- (1991b), La conceptualización del trabajo en la sociedad contemporánea”, *Revista de Economía y Sociología del Trabajo*, Vol. 13-14. P. 8-22.
- Espina, A. (1998), *Empresa, competencia y competitividad*, Madrid: Fundación Argentaria-Visor.
- (1999), *La Reforma del Derecho Concursal y la Eficiencia Económica*, Madrid: Colegio de Economistas.
- Fernández-Anguila, M. (1998), *Sociología económica*, Madrid: CIS.
- García-Blanco, J. M^a (1993), Riesgos y peligros del trabajo en la sociedad moderna, *Revista de Occidente* (noviembre). P. 91-108.
- (1998), Declive económico y políticas regionales: el caso de Asturias, *REIS*. Vol. 83. P. 87-119.
- García-Sainz, C. (1995), *Trabajo y participación económica. La actividad de las mujeres madrileñas*, Madrid: CAM.
- (1998), Construcción del concepto de trabajo. In VV.AA. *Derecho, participación política y empleo*, Vol. 2.
- Garmendia, J. A. (1998), Training and evolution of the occupational structure in the information society with reference to Spain, *REIS* (english edition). P. 53-68.
- Guillén, M.F. (1989), *La profesión de economista*, Barcelona: Ariel.
- Luque, E. (2001), Whose Knowledge (Economy)?, *Social Epistemology*, forthcoming.
- Maravall, J.M^a (1995), *Los resultados de la democracia*, Madrid: Alianza.
- Martín-Criado, E. and A. J. Izquierdo (1993), Elementos para una sociología económica de la gestión empresarial de la fuerza de trabajo, *Sociología del Trabajo*, Vol. 17. P. 121-145.
- Molina, J. L. (1995), Análisis de redes y cultura organizativa, *REIS*. Vol. 71-72. P. 249-263.
- Moya, C. (1975), *El poder económico en España (1939-1970)*, Madrid: Tucur.
- Muniesa, F. (2000a), Performing prices, in H. Kalthoff and R. Rottenburg (eds.), *Facts and Figures: Economic Representations and Practices*, Marburgo: Metropolis Verlag. P. 289-312.

- (2000b), Un robot walrasien, *Politix*, Vol. 52. P. 121-154.
- Pérez-Díaz, V. (1993), *La primacía de la sociedad civil*, Madrid: Alianza.
- Pizarro, N. (1990), *Los métodos de estudio de las organizaciones administrativas*, Madrid: Coloquio.
- (2000), Regularidad relacional, redes de lugares y reproducción social, *Política y Sociedad*, Vol. 33. P. 167-198.
- Política y Sociedad* (1994), Vol. 16, monográfico sobre Sociología del consumo.
- (1996), Vol. 21, monográfico sobre Sociología y economía.
- (1997), Vol. 22, monográfico sobre Economía no monetaria.
- Prieto, C. (1993), The management of the work-force: a sociological criticism of prevailing fashions, *International Journal of Human Resource Management*, Vol. 4, No. 3. P. 611-60.
- (2000), Il lavoro in Europa: trasformazioni, tendenze e logiche in gioco. Pp. 7-23 in Bianchi e Giovannini (a cura di), *Il lavoro nei paesi d'Europa. Un'analisi comparativa*, Milán: Franco Angel.
- Prieto, C. and O. Homs (1995), Formation, emploi et compétitivité, *Sociologie du Travail*, Vol. 4. P. 557-575.
- Requena, F. (1991a), Redes sociales y mecanismos de acceso al mercado de trabajo, *Sociología del trabajo*, Nueva Epoca, Vol. 11. P. 117-140.
- (1991b), *Redes Sociales y mercado de Trabajo. Elementos para una Teoría del Capital Relacional*, Madrid: CIS.
- Romero, M. (1990), *La actividad empresarial femenina en España*, Madrid: Instituto de la Mujer.
- Sanchís, E. (comp.) (1988), *La otra economía. Trabajo negro y sector informal*, Valencia: IVEI.